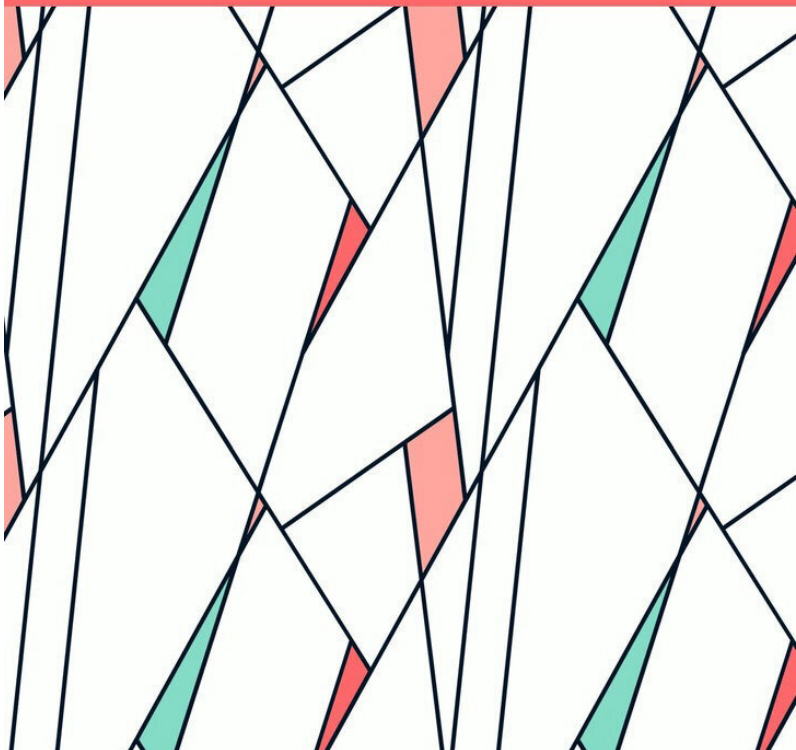

18+

Марьяна Сахарова

Эрозия эротики

Киноповесть

Марьяна Сахарова

Эрозия эротики. Киноповесть

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72955962
ISBN 9785006870116*

Аннотация

Автор приносит лёгкие извинения тем, кто соизволит прочесть: как режиссёр оформляю чужие тексты т.н. сценарной «американкой», но когда пишу самостоятельно предпочитаю оставаться в рамках пусть киношно и усечённой, но – литературы (это и художникам, и оператору, и актёрам особенно, и мне – только подспорье потом видеть шире и свободней. В этом же смысле не стоит «клиниться» на якобы неверной глагольной форме типа «она упала», вместо сценарного и принятого в последние годы «она падает».

Содержание

ЛЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ. День 1	6
БРАКОРАЗВОДНАЯ КОНТОРА	28
УЛИЦА У ЗАГСА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эрозия эротики

Киноповесть

Марьяна Сахарова

© Марьяна Сахарова, 2025

ISBN 978-5-0068-7011-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭРОЗИЯ ЭРОТИКИ

EROSION of EROTIC

«90 – 60 – 90»

киноповесть

***примечания:**

– автор приносит лёгкие извинения тем, кто соизволит прочесть: как режиссёр – с удовольствием оформляю чужие тексты т.н. сценарной «американкой», но когда изначально пишу сам – предпочитаю оставаться в рамках пусть киношно и усечённой, но – литературы (это и художникам, и оператору, и актёрам особенно, и мне самому – только подспорье потом видеть шире и свободней. В этом же смысле не стоит «клинить» на якобы неверной глагольной форме типа «она

упала» вместо сценарного и принятого в последние годы «она падает»;

– язык проекта может быть английским, украинским, русским, французским, испанским и немецким (в зависимости от...)

– ЧАСТЬ ПЕРВАЯ —

ЛЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ. День 1

Лектор, женщина до сорока, очень красивая на свой лад француженка, активно фланировала вдоль доски среди многочисленных маммограм, анатомических фрагментов, мимо веерных столешниц лекционного амфитеатра, периодически оставляя речевые паузы для перевода с французского. Экстравагантный седой переводчик пожилого возраста сидел у окна, стараясь нейтрализовать в переводе даже намёк на личную интонацию.

– Стремление женщины иметь красивую грудь вполне объективно, и оно усиливается при наличии дефекта формы молочных желез или нарушении её объёма любой этиологии. Подобные косметические недостатки выраженно отражаются на психическом состоянии, оказывая влияние на личную, общественную, профессиональную жизнь женщины. Маммопластика, корригирующая имеющиеся недостатки, повышает качество жизни женщины, что и является конечной целью работы любого врача.

Студенты-юноши внимательно записывали, девушки, напротив, деланно-равнодушно елозили пальцем смартфоны и планшеты, сзади – внимательно следили за коллегой зрелые врачи в халатах, педагоги и прочие.

– Эмблема материнства – бюст – является самым видимым половым признаком женщины. «Грудь накормит ре-

бёнка и порадует отца» – говорит Коран. Орган питания и предмет наслаждения – такова двойная природа женской груди. Искусство демонстрирует эту двойственность в многочисленных произведениях, созданных в 14—15 веках – правая грудь предназначена для ребёнка, ибо левая – для мужа и удовольствия...

Переводчик быстро и подробно перевел.

– Я не поняла! – вдруг ошарашила аудиторию уже не на французском изменившаяся лекторша. *– Что смешного я сказала? И кто там постоянно бубнит и хихикает??*

В аудитории повисла гробовая тишина. Лектор едко улыбнулась:

– У будущих хирургов нет смелости признаться?.. – тишина не нарушалась. *– Ясно. Очень плохо. Я вам так скажу – для хирурга не только обязательны смелость и хладнокровие, но пагубны – любые проявления сентиментальной стеснительности. Романтику преподают в других заведениях.*

– Вы сами иногда стесняетесь и прячете глаза, — вдруг образовался лукаво-ершистый голос юноши из средних рядов.

– Кто это сказал?

– Я, – поднялся рыжеватый задиристый парень. *– Это я «хихикал и бубнил», но... мы по делу бубнили – обсуждали вас.*

– Вот как?!.. И что обсуждали? Неужто мою стесни-

тельность?..

– Нет, ваш *личный* бюст. Он натуральный? Или, так сказать, тоже с «корригированием имеющихся недостатков»?

– Пока натуральный, а вам кажется – пора?

– Откуда ж нам-то знать, когда у вас такая кофта!..

Лекторша оглядела парня и хохотнувшую группу поддержки, сорвала с себя кофту, отстегнула лиф, обнажила голую грудь напоказ мгновенно замершей аудитории. – *Вот, пожалуйста!.. Возможно, вы и правы. В перспективе – птоз первой степени, ареолы уже сейчас зримо асимметричны, видите?* – тут она даже этакой панорамой повертела корпусом по залу. – *Но разве я прячу глаза? Стесняюсь?..*

С верхней скамьи практически сорвалась **каштаново** подкрашенная женщина лет пятидесяти, прошла ступенями вниз, на ходу сняла белый халат, швырнув его прямо на голову и грудь лекторши, и, так ни разу и не оглянувшись, вышла из лекционного зала.

Снова повисла тишина... Лектор убрала с себя халат, свернула его вчетверо:

– *Я полагаю, что теперь остались все свои. Ладно, довольно сопливой лирики, у нас очень насыщенный курс в этом году, хоть он всего лишь первый и вполне факультативный,* – тут она виртуозно надела кофту на голое тело.

– *А зачем вы нам читали на французском?* – снова выступил рыжеватый парень. – *Чтобы сбить нас с толку?*

– Отчасти для этого, – улыбнулась лекторша, обернувшись к переводчику. – А если серьёзно, то – вот, мой коллега, мой главный и любимый учитель, сегодняшний мой переводчик и в довершение регалий – ещё и мой муж. Константин Валерьянович Сомов.

В аудитории повисла «третья» тишина, которую разрядил всё тот же рыжеватый парень: сначала он медленно зааплодировал один, а уж затем его подхватил весь зал.

Сомов слегка смутился, однако элегантно встал и даже поклонился.

– Вот я вас и познакомила, – лектор подмигнула залу. – Константин Валерьянович всю зрелую профессиональную жизнь посвятил пластической хирургии, а вот лекции читать ему не доводилось. Собственно, ваш курс как раз Константин Валерьянович и будет вести, а чтоб он меньше волновался, первое занятие мы решили провести вдвоём. Что же касается французского, то в воскресенье вашим педагогам – и тоже впервые – суждено читать доклад учёному совету, и не где-нибудь, а в Париже. Репетицию перевода моего французского вы имели удовольствие наблюдать. Но **там** – мы поменяемся ролями, и уже Константин Валерьянович на языке революционной Бастилии (или «жёлтых жилетов», это как кому) просто обязан удивить парижскую врачебную элиту, — и она, убрав бюстгальтер в сумочку, подошла к мужу и нежно поцеловала его.

Снова побежали бурные аплодисменты, снова профессор

поклонился.

– *Вот и прекрасно, – Сомова «выдохнула». – Раз уж я вас рассекретила, Константин Валерьянович, то продолжайте сами. Не буду вас стеснять и погуляю.*

– *А как вы относитесь к Трампу?* – резко выпалил не унимавшийся парень.

Наступила нелепая «четвёртая» тишина, но Марьяну это не смутило:

– *Смотря о чём или о ком речь! Чаще прочего «трамп» употребляется в значении «козырь». Отношусь положительно. Кому лишний козырь в кармане мешает?.. Если же имеется ввиду некий президент, то на вопрос – нужна ли ему коррекция молочной железы – ответить может лишь предварительный врачебный осмотр.*

Тишина сменилась тотальным хохотом. Сомова приставила палец к губам и демонстративно на цыпочках вышла из амфитеатра. Сомов явно смутился...

– *Ну да... итак, – в этот раз он даже сделал несколько шагов. – Английский зоолог Морисон считает, что эволюция изобрела столь развитую грудь для облегчения полового общения гомосапиенсу, нам то есть с вами. Грудь у наших женственных предков начала развиваться, когда человек принял вертикальное положение, примерно 4 миллиона лет назад. Задняя часть самки перестала быть видимой для привлечения самцов, и грудь стала наилучшим местом в эротическом плане...*

КОРИДОР-ВАХТА ИНСТИТУТА

Марьяна Сомова проследовала коридором, свернула к вахтёрской вертушке, отражавшей солнечные стрелы. Женщина, чуть ранее так вычурно покинувшая лекцию, вскочила с дивана, подлетела к столу вахтёра, где стояла вазочка с давно увядшими тюльпанами и где бурно малевался какой-то настенный плакат. Каштановая дама бойко вынула цветы и ловко опрокинула баночку с краской в цветочную воду. Художник и охранник не успели ничего ещё понять, а она уже направлялась к Сомовой наперерез.

– На ловца и зверь! – зашипела она. – Вы – дьявол, вы не педагог!

И размашисто плеснула жидкость прямо в лицо Марьяне!

Сомова схватилась за глаза, присела почти на колени, уронила сумку, а на шею и ниже к юбке поползли разводами «чернила»...

– Получила?.. Понимаешь хоть за что?! – дама воспользовалась незащищённостью жертвы, подсела и прямо пнула её ладонями в грудь, не давая встать, – мир перевернулся, оборзели, уже и сиськи детям напоказ демонстрируют, и не где-то на пляже, а – с трибуны **прославленной** аудитории!

К даме подлетели охранник с художником, схватили её за руки...

– Не надо, это моя родственница, сами разберёмся, – с трудом Марьяна поднялась, схватила даму за ворот блузы, поволокла на выход, а художник – догнал, всучил сумочку.

УЛИЦЫ ГОРОДА.

На тротуаре Сомова отпустила воротник дамы, достала белый платок.

– Я в чём-то перед вами провинилась **лично**, дама? – максимально спокойно шепнула Марьяна, на лице, на одежде у которой очень живописно разбежались лиловые разводы. – Я готова выслушать и даже извиниться, если, разумеется, есть за что!

– Ты – **проститутка**, новый вид! Не та, что по углам подъездов и гостиниц шляется, наоборот! Всё напоказ, и даже с чувством превосходства! И терпеть таких – нельзя!

Марьяну шатнуло, она швырнула носовой платок к урне, но промахнулась...

Дама только пуще усмехнулась, наклонилась к платочку:

– Во-во, везде **мимо!** – и с брезгливым видом подняла, опустила в урну. – Засоряете пространство! От вас ведь жить не хочется! Устроили на малолетках целый бизнес!

Марьяна, вся в «чернилах», невзирая на весьма уже солидное количество зевак, резко припёрла даму к стенке, а затем и вовсе усадила на урну, присмотрелась вдруг к чернильному разводу на своей руке, что-то для себя решила, развернулась и пошла, словно позабыв о даме напрочь. Через мгновение вернулась:

– Пардон! Вы, наверно, голодаете, вам просто нечего есть, я сразу и не сообразила, – Марьяна вынула деньги из бумажника, буквально вложила купюры каштановой даме в ку-

лак. – Пойду умываться, извините. Почти рада знакомству.
– Мне от тебя ничего не надо, – изменившимся до жалостливой фальши голосом пропела дама и добавила: – Но из принципа – возьму!

«МАСТЕРСКАЯ» СЕРГЕЯ – ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА.

Дверной звонок протрещал сначала коротко, затем сплошной синусоидой.

В прихожей нарисовался 45-летний Сергей в мощном свитере и с морщинами на лбу. Не имея изнутри глазка, он открыл дверь, в проёме которой стояла каштановая дама.

– Здравствуйте, вы Сергей?.. – быстро спросила она. – Я вас косвенно знаю, видела пару раз на конференциях. У вас красивая жена. Это я так... Ваш адрес дала Наташа, она теперь массирует в седьмой бане вместо вас. Можно мне войти?..

И сразу сама вошла. Дверь затворилась.

– Хотите – вот тапочки, не хотите – оставайтесь как есть.

– Зачем вы так неискренне скрываете досаду? Я же вижу – вы недовольны, – каштановая дама вошла в комнату.

– Просто я не сплю уже вторую ночь, сегодня вот зубы ещё не чистил, а буквально через полчаса – у меня пациент! Пациентка. А вы – без предварительного звонка.

– Ну да, простите... тапки я надену, туфли давят мне на косточки, видите? – каштанка сделала подобие улыбки, поняла, что зря, и тут же перешла в атаку: – Балетом зани-

малась, бросила, теперь найти изящную обувь при такой ширине стопы... Впрочем, времени в обрез... Поэтому – сразу! Мне от вас нужен... не люблю это выражение, но в народе так и говорят – «эротический массаж». Давно наслышана о ваших дилетантских методах, как дипломированный врач не раз, признаюсь, возмущалась вместе с коллегами, но... дамы прямо счастливы, очень довольны и... Словом, я хочу попробовать.

– Чтоб потом сдать меня на растерзание коллег, а, может даже, органов порядка?

Дама вместо ответа усмехнулась, крупно и демонстративно перекрестилась:

– Если вы верующий, вам должно быть достаточно. Никаких подвохов. Просто – я хочу. Да, да, **хочу!**.. Я всегда в себе это гасила. Из соображений морали, от воспитания, наконец. Так, собственно, вся жизнь прошла. Несправедливо. И обидно. Теперь другие дамы правят миром!.. А я... я вот ещё борюсь с возрастом, с постылым одиночеством, если хотите – с увяданием, – дама побежала глазами по комнате, где на кричаще белых стенах висели громадные панно – сплошь фрагменты женского тела, подчёркнуто «неэротичные» (ухо, вертящая сеть линий на ладони, смесь лодыжки с пяткой и т.п.) – Послушайте, женщина не должна дважды доказывать искренность намерений. Разве нет?

– Это спорная аксиома, – он предложил ей сесть, освободив от одежды соломенное кресло. – Но... я не практикую

«эротических массажей», это делают совсем другие люди. Точнее – делают такой коммерческий псевдомассажный вид, поскольку эротическим бывает сон, фильм, фотография, поза, даже эстетическое чувство. Что угодно, но не массаж. Лично я по мере сил практикую обычный общеукрепляющий массаж.

– Да перестаньте вы лупить эту канцелярщину! Сделайте, пожалуйста, мне то, что я прошу. Я же знаю, что подобной эйфории дамы получить ни от кого не могут, кроме как у вас. Пусть это называется «прикосновением», «прижатием», диагностическим распятием к стене моих лопаток... господи, хоть орфографией в нагрузку с порнографией! Прекрасно, очень хорошо, так мне даже больше нравится. Я сама врач, причём почти хирург!.. Мало вам того, что я старше и унижаюсь, находясь на вашей территории?..

– Ну хорошо, не сердитесь. Присядьте. Снимите пока, пожалуйста, кольца ваши, перстень, ладно? Волосы свяжите на затылок.

– Ладно, – улыбнулась и она, снимая кольца с пальцев. – Что ещё нужно снять?

– Снимать что-то или не снимать – зависит от личной комфортности. Если вам удобно оставаться в одежде – это даже лучше. Я мигом.

– Погодите! То есть – обнажённой я буду слишком для вас неприятна, да? – и женщина почти с негодованьем шагнула навстречу. – Говорите, говорите честно!

– Хорошо, раздевайтесь. Я ж сказал – как вам удобней!
ДЕТСКИЙ СКВЕР.

– Антоша, ты зачем разделся?! Я лечить тебя не буду, хватит, не миллионерша! Слышишь? – резкая, даже грубоватая внешне, с разбежавшимися по ветру красивыми волосами и не лишённая привлекательности, 30-летняя Ольга присела на скамью к подвыпившей даме с голубями. – Слезай и одевайся, слышишь?

14-летний парень висел головой вниз на спортивной перекладине и умудрялся кормить внизу голубей каким-то печеньем. Пузо оголилось, рубаха зависла к песку...

– Я своему Аркадию тоже всегда кричала – шапку надень, простудишься, а что толку! Женился – и всё! Ни звонка, ни строчки. Так и живём.

– Я вас не спрашивала, – Ольга прищурилась. – Господи, у вас плащ наизнанку, посмотрите, женщина! Дурная примета, между прочим... А ещё на сына гоните!... Антон!

Пацан соскочил с перекладины, небрежно заправил рубашку:

– Ма, можно я к папе забегу на секунду? У него в кабинете окно открыто...

– Нет, домой. Папа работает, у него пациенты.

– На пять минут!

– Сказала – нет! Ты же деньги у него начнёшь просить. Обойдёшься на сегодня.

«МАСТЕРСКАЯ» СЕРГЕЯ.

– Боже, как я благодарна, – каштанка цвела, надевала блузу, снимала тапки. – Я такого не испытывала лет, наверно, двадцать!

– Двадцать лет назад вам делали массаж последний раз? – дежурно изумился Сергей, чтоб не возникло экзальтированной паузы.

– После балета я увлеклась воздухоплаванием, потом бросила, возраст, но то, что я испытала сегодня, несравнимо ни с каким воздухоплаванием, ей богу... Если не верите, я могу вас даже поцеловать. Вы позволите? – и дама приоткрыла рот.

– Пожалуй, не надо...

– Понимаю, вы на работе!

– Именно так.

– Тогда я хотя бы уж обниму вас, и не смейте противиться, – тут она ловко оказалась рядом, изящно обняла его, уложив на плечо подбородок.

Прозвенел дверной звонок.

– Что это?! – вздрогнула женщина. – Это пациент?

– Представьте, да, а я не готов...

– Ой, как я подвела вас! Убегаю, убегаю, – она заторопилась. – Сколько я должна?

– Как-нибудь потом, нисколько, только побыстрей, пожалуйста... – Сергей почти взмолился, выжал из себя улыбку, прислонив к переносице сведенные ребром ладони.

– Ладно, я к вам обязательно приду! – и она понеслась

к дверям. – Вы слышите?

Дама сдвинула защёлку, столкнувшись с роскошно одетой весёлой блондинкой.

– Вау, пардон! – пропуская каштанку, заголосила блондинка. – Извините, Серёжа, я, кажется, припёрлась раньше. Можно? Или погулять пока?.. Там кто-нибудь ещё?

– Нет там никого, всё нормально.

Блондинка влетела в квартиру как к себе домой, быстро глазами прошерстила все возможные намёки и отличия от прошлых посещений.

– Что это была... за... полу-мадам такая? – иронически спросила она.

– Училка географии, мой сын проткнул глобус чужой пилкой для ногтей, а что?

– Слушайте тогда, чего со мной было! – и дева кинулась располагаться, расшвыряла жестами какие-то пакеты, куртку, кинулась спиной на оранжевый диван. – Представьте, что сижу я утром у себя на кухне, а ко мне вдруг заходит... кто бы вы думали?

– Теряюсь в догадках... – Сергей снял с кушетки простынь прошлого сеанса, принялся стелить новую. – Может, муж?

– Ага, конечно! Насмешили... Муж до двух не просыпается. А эту тряпочку вы убираете, потому что там **глобус дырявый** валялся, да?

– Катя, перестаньте, я пока ни в чём не провинился.

– Ну и пусть... – тут она слетела с дивана, принялась привычно раздеваться. – Угадайте с трёх раз – кто вошёл ко мне на кухню? Можете предполагать **самое любое!!**

– Мне надо принять душ, я вас не ожидал так рано... **Слон** вошёл, я думаю. Или собака ваша. У вас же ретривер?

– Ясно! Ничего-то вы не угадали. Идите уже, мойтесь. И представьте самое невероятное, ну самое-пресамое, ладно?

– Зря вы снимаете с себя всё подряд, Катюша, вы замёрзнете.

– Не замёрзну, я возбуждена!.. С утра.

ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР.

Из ванной вышла Марьяна Сомова, лаконично окрученная полотенцем.

– Константин Валерьянович, перевод твой хоть и был хорош по смыслу, интонационно он неверен, и я могу объяснить, в чём тут языковая шпилька скрыта.

– Не надо, я устал от французского языка, лучше вина французского выпью.

– Спать не собираешься сегодня?

– Мне нужно поговорить с тобой. Посоветоваться... – Сомов сидел в кресле перед сервировочным столиком в своём костюме. – Присядь и надень халат, пожалуйста.

– Я не люблю халаты, ты же знаешь, – Марьяна наклонилась, глотнула из бокала, попыталась освободить мужа хоть от пиджака. – Неужели тебе удобно сидеть вот так?!

– Марьяна, прекрати!... Мне не до удобств. Сядь и послушай.

– Батюшки, как грозно-то! Пожалуй, я таки надену халат, – и по ходу за халатом прибавила: – А что стряслось-то? **Беда?**

– Беды никакой, точнее... Да сядь, прошу тебя, – он нервно вскочил, попытавшись затолкать её в кресло. – Деньги, Мара, деньги! Похоже, у нас они есть на все времена!

– Ого!.. – накрест ухватила плечи Марьяна. – Во-первых, мне больно, во-вторых – у нас же уговор, что ты не прикасешься ко мне, если я сама не попрошу!

– Прости, прости, сорвался... Но я действительно взвинчен! – и Сомов вдруг элегантно – словно это выходное пальто – помог ей до конца управиться с халатом.

– Не поняла, мы что – обанкротились? Что это значит – «деньги»?

– Это значит – мы можем прибавить шикарную сумму к нашему счёту, – тут Сомов вынул из дамской пачки на столе длинную сигарету, закурил. – Ты задавалась вопросом, откуда у нас стартовый капитал на открытие этой бешеной клиники, например? Нет?

– Тебе нельзя курить, – заметила Марьяна, но никаких попыток отобрать сигарету не предпринимала, лишь прищурилась, приглядевшись к нему внимательнее прежнего.

– Да, мне нельзя курить, нельзя прикасаться, нельзя оперировать в конце концов, нельзя даже читать на француз-

ском...

– Читать пока буду я, в твоих же интересах, и хватит! Прекрати истерику!.. Я, вообще-то, полагала, что деньги у нас оттуда, откуда ты мне про них и рассказывал. Но есть, **оказывается**, ещё какие-то источники?..

– Наивно было полагать, что их нет, да ладно, чего уж теперь... Короче говоря, тайком от тебя я несколько раз делал пластику весьма специфическим людям, то есть конкретно таким, которые готовы пожертвовать своей физиономией и уродовать себя до полной неузнаваемости. Бац – и нет личности, ищи свищи хоть в Антарктиде! На это идут, понятное дело, ради присвоения астрономических сумм.

– Да ты в своём уме?!... Это серьёзно?

– Да, да, серьёзно, Марьяна, очень серьёзно!

– Но почему ты говоришь об этом сейчас?... Тебя хотят убить? Ты много знаешь?

Сомов побежал бродить по номеру: то ближе, то подальше от Марьяны.

– Никто меня убивать не хочет, ты же знаешь мою аккуратность, но теперь, когда я не могу оперировать, свалился вдруг... ну просто выдающийся заказ, его никак нельзя упустить, к тому же – я успел дать согласие, более того – уже встречался с клиентом, видел, что называется, его рожу воочию, а он – **мою**. Так что отступать поздновато. Вот так! – и он присел, уставившись на жену в упор.

– Погоди, погоди, – Марьяна вынула у него сигарету изо

рта, затянулась сама и сразу погасила. – То есть – ты предлагаешь оперировать **мне**?

– А других вариантов нет. В общем, уже в понедельник мне позвонят.

– Очень смешно!.. А если я откажусь?

– Вот как раз тогда меня-то и могут прибрать. Не исключено, что и тебя.

– Что!? – Сомова вскочила. – Это угроза?!

– Ну перестань!... И прости, ну прости меня, в конце концов! Не губи, всё это плохо кончится! А может кончиться совсем наоборот, очень даже красиво может кончиться! Разве не для тебя я пытаюсь заработать больше?! Лично мне и так хватает.

– Ему хватает, во всём виновата я! Ой, как же все вы наглеть умеете. Вероятно, мне следует срочно развестись с тобой, но об этом я подумаю на свежую голову. **Утром!** – Марьяна допила из бокала и направилась к постели, буквально впрыгнула под одеяло. – Но какой ты идиот, Костя! Связаться с откровенно уголовной темой... Такой гений и такой идиот! Немыслимо... Я жить хочу, я молодая баба, в принципе! Спокойной ночи.

КВАРТИРА ОЛЬГИ И СЕРГЕЯ. Ночь.

Ольга сбросила одеяло, услышав входную дверь, босиком рванула из спальни в коридор. – Чего так поздно?.. Работа? Пациентки одолели??

– Да, работа... – он раздевался, вешая одежду. – Могу,

кстати, обрадовать тебя...

– Ох ты боже, чем же?! Очередным успехом у своих **несостоявшихся** проституток?

– Зачем ты опять?... Я денег приволок, можешь хоть завтра покупать свою эту...

– Ага! А глазищи-то чего такие блудные?! Приволок он!.. Я сегодня не готовила, сам ройся в холодильнике. Там, правда, пусто, я из принципа всё сожрала! У нормальных мужей жёны по ночам худеют.

– Разве я не исполняю супружеских обязанностей?

– Вот именно, что *исполняешь*! Да и то по праздникам. Радость великая!

– Хорошо, специально схожу, зубы почищу и попробую помочь тебе худеть... но с условием, что после этого ты перестанешь выражаться типа «жрать» и всё такое.

– А не надо пробовать! Не надо. Надо хотеть! А пробовать не надо. Всё просто, как у кроликов. Те, во всяком случае, **хотят**!

– Надо, надо... Как в армии! Сама, небось, кроме денег ничего и никого не любишь. Даже сына.

– Что?!... Да пошёл ты! Зубы он почистит! Больно надо, – и Ольга истерично принялась одеваться. – Всё, пойду туда – очень даже знаю куда, а ты дрыхни!

Отворилась со скрипом смежная дверь, явилось заспанное лицо Антона:

– Мама, ты куда?

– В Африку, Антоша, в **Конго**!!... Погулять схожу, спи давай, пожалуйста.

И дверь за нею шумно бахнула.

– Пап, можно я с тобой лягу?

– Ну конечно...

– Холодно у вас... А почему мама такая злая?

– Потому что я мало зарабатываю.

– Но ты же бросил даже музыку, массажем драным занимаешься, но приносишь деньги каждый день... Нормально хватает, я даже считал, ну на жизнь...

– Это не те деньги, чтоб мама ощутила себя леди, в смысле – **королевой**!

– Глупости!... Королева – это в Англии, а мама – это мама.

– А вот тут ты не вполне прав, Антон. Каждый человек имеет право мечтать и жить соответственно этой мечте. Ты вот о чём мечтаешь? Ну, кроме мотоциклов, м?

– Чтобы вы не ругались, и чтобы мама ночевала дома... Почему она уже два раза дома не ночует? И сейчас ушла... Куда она пошла?

– К подруге, наверное.

– У нашей мамы нет подруг. Она **на тебя** сердится. Потому что ты её не любишь и потому что ты лечишь одних только женщин. Значит ты бабник. Это правда?

– Господи, Антон!... Откуда такие дикие выражения?

– Не у меня, так мама сказала. И она могла пойти ночевать к другому мужчине. Она говорила, что хочет тебе отомстить.

В коридоре захрустело, слышались шаги...

– Куда я дела свой мобильник? Кто-нибудь знает?? – в том же темпе, как и минуту назад, в спальню влетела Ольга, вновь врубил верхний свет и сразу уставилась на сына:

– Ты зачем сюда лёг? Марш к себе, живо!

– Мне папа разрешил, – осторожно шепнул Антон, скосив глазом на початую бутылку виски, зависшую вместе с пакетом сушек у матери в пальцах.

– «Папа разрешил»! Да он тебе и не такое разрешит! Твой папа вон бабу голую на стенку повесил, – и она вдруг подошла к репродукции Венеры Веласкеса на стене.

– Боже, какая пошлость! Жопу голую выставила, а сама лыбится в зеркало, которое ей голый мальчик держит! Кошмар! Я лучше этой бабы. Да! – Ольга приткнула к носу Венеры в нарисованном зеркале указательный палец. – Чего уставилась, сучка?

– Мама!!..

– Не мамкай, а задумайся!..

– Да ты уже пьяна!... – Сергей обернулся к сыну. – Иди к себе, потом договорим...

– Пусть сидит! Пусть слушает, не маленький уже!

– Но ты пьяна.

– Неважно! Что у пьяного, как говорится, здесь, у трезвого – везде! – тут Ольга прям из горлышка демонстративно отхлебнула, подошла к столу, воткнула всё тот же указательный палец в пакет с сушками, нанизав таким образом сразу

три кольца и снова ткнув пальцем в Венеру. – Вот всё, что в этой семье я заслужила!

Стекло на репродукции треснуло наконец от пальца.

Антон резко вскочил и убежал к себе, хлопнув дверью так, что задрожала ваза.

– Весь в меня! – после паузы заявила Ольга и опустилась на стул, рассыпав сушки. – И тоже нищий, как и я... Нам надо развестись. Всё, хватит.

– Опять?

– Не опять, а один раз всего!.. Господи, ну где мой мобильник? Ты не видел?

– Видел, рядом с унитазом валяется, – и Сергей накрылся подушкой.

.ПАРИЖСКИЙ ЗАЛ (новый день)

За окном лекционного зала виднелась четверть корпуса парижского собора «Секрикёр», а у Марьяны был серьёзный вид при элегантном костюме:

– Мы уверены, что буквально через год об отторжении имплантата можно будет забыть, как о далёком варварском прошлом! Грудь можно будет видоизменять, вполне оправданно, ощущая себя, например... кулинаром, таким танцующим кондитером, у которого все компоненты – стопроцентно органические, даже если туда и затесался рукотворный элемент.

В зале взорвались аплодисменты, кое-где вполне дружелюбный смех... Спустя какой-то момент взаимных улыбок

к Марьяне подошёл седовласый 50-летний красавец. Сначала он галантно поклонился супругам, дежурно улыбнулся Сомову и, демонстративно о нём позабыв, обратился к Марьяне, вынимая визитку (*текст на франц*):

– Франсуа Дердлиже, владелец частной клиники. Крайне вами восхищён, надеюсь если не на визит ко мне по вопросам хирургии желез, то хоть на благосклонный звонок. Всячески готов помочь вам пробиваться к европейским рынкам клиентуры и журналов.

– Спасибо, очень приятно... – ответила Марьяна, приняла визитку.

Франсуа тут же ретировался восвояси, не забыв при этом влажно оглянуться...

– Тебя везде принимают за проститутку! – не выдержал давно уж побледневший муж. – Все эти самцы твои... Влюбляйся там, где я не вижу!

– Папа!.. Мы произвели фурор! Тебя теперь понесут на руках. И я старалась как могла, – Марьяна всё же улыбнулась. – Причём тут самцы? И причём тут влюбляться? Я вижу человека впервые. Ты это прекрати, слышишь?

БРАКОРАЗВОДНАЯ КОНТОРА

– Имущество как собираетесь делить? – спросила делавшая по привычке строгий вид по-дамски лысоватая бракоразводная дама в очках.

– Мне имущества не надо, – просто отвечал Сергей.

– Ни квартира, ни машина... – дама что-то записала. – Правильно я поняла?

– Да, вы правильно поняли. – Сергей глубоко вдохнул. – Можно где-нибудь уже оставить подпись и уйти?

– Машину пусть оставит себе, – вмешалась Ольга. – Её и машиной-то не назовёшь.

УЛИЦА У ЗАГСА

– Тебя проводить, что ли? – спросил Сергей, заметив, что Ольга никуда идти не намерена и явно ждёт чего-то. – Проводить? Я буду счастлив... Как в последний путь!

– Совсем сдурел?! Меня должны встретить, – пробубнила Ольга и вдруг просияла. – А вот, Феликс приехал. Шёл бы ты уже, а? А то могу и познакомить...

– Уже? – открывая дверцу «минивэна», отрапортовал крепкий мужик лет пятидесяти трёх. – Извини, меня чуть задержали... – поцеловал руку Ольге, обернулся к Сергею. – У вас какие-нибудь **прощальные** планы?

– У нас с ним?... Никаких, – и Ольга направилась к машине, открыла дверцу, обернулась. – Феликс! Поехали, меня Антон ждёт.

ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ (центральный парк)

Сын Антон решительно сидел на вёслах, утки гнались за лодкой, поскольку Ольга, обнимая Феликса одной рукой, свободной рукой швыряла за борт лохмотья от булки.

– Мама, я устал, – сердился Антон, изобразив усталость.

– Гребь, парень! У тебя не хватает для нормального подростка мышечной массы, для любого возраста она должна составлять сорок процентов от общего веса, а ты растёшь, необходимо упражняться, иначе поздно будет! – отчеканил Феликс, весело надевая чёрные защитные очки.

– А я устал, – ещё более насупился Антон. – Сами гребите, я лично «пас»!

– Отлично, причаль туда, ага, и ты – свободен!

– Феликс, что за тон? Антон тебе пока не сын, зачем ты так? – искренне изумилась Ольга.

Лодка уткнулась в песок носом...

– Погуляй, мне с мамой надо о серьёзном побеседовать. Слышишь, Антон? И не сердись, сделай как прошу... **пожалуйста.**

– Ладно, – Антон выскочил из лодки и побрёл к прибрежным кустам.

– Я не собираюсь жить в этой стране, – сурово заявил Феликс. – Я с тобой откровенен, а с женщиной я откровенен впервые. Ты – нравишься мне, должна ценить.

– Я пока ничего никому не должна. И, прости, ты говоришь загадками.

Феликс оттолкнул веслом лодку, и та медленно пошла обратно к глубине.

– Антон испугается, зачем ты лодку толкнул?

– Никуда Антон не денется, точнее – он как раз-то и денется. В Канаду или в ту же Колумбию, например. С нами вместе. Но сначала – я забираю все деньги фирмы. **Все**, понимаешь? Просто все!!... Нечего делиться с этими козлами, всё равно баблище краденое, рано или поздно всех накроют медным тазом. Нам оно надо? Не надо.

– Мне страшно... – Ольгу реально пошатнуло.

– Не бойся ничего! – Феликс прижал её к себе. – Ты должна помочь, тебя никто не знает и искать не будет. Кинутся искать меня. Хрен с ними, пусть поищут. Не найдут! Видишь меня в фас?.. А теперь в профиль?

– Причём тут это?..

– Я сделаю операцию – здесь, здесь и здесь, – он трижды ткнул себе ладонью лоб, нос и подбородок. – Никто никогда не узнает! Только ты, когда я к тебе приеду.

– Куда??

– Нужно, чтобы ты поехала в Париж. Схему я в подробностях растолкую, хотя она проста, а уж с твоим-то бухгалтерским опытом... Решай. Ты ведь хотела жить по-человечески, ни один идиот тебе такого больше не предложит! И ты, и твой сын – обеспечены на всю оставшуюся жизнь. Ну и я, если не прогонишь, – тут он горестно выдохнул. – Господи, как тяжело на душе. Ты думаешь, что я такой... весь... я, вообще-то, люблю дарить цветы, люблю приносить кофе утром, я тебя люблю, понимаешь?

Ольга вдруг нежно глянула на воду:

– Всё так, ты прав. Да. Я хочу. Сделаю. Но... ты правда меня любишь?

– Правда. Нужно только аккуратно сделать дело. Я здесь, а ты там.

– А вдруг ты станешь уродом? – Ольга тут же спохватилась. – Ой, прости, сама не знаю, что несу... боже мой, Феликс!.. так страшно...

«МАСТЕРСКАЯ» СЕРГЕЯ.

– Здравствуйте, Серафима... – Сергей пропустил внутрь богатую даму лет, вероятно, шестидесяти. – Я давно уже без вашего присутствия здесь – скучаю. Честно.

– Не врѐте? – бегло спросила дама, освобождая себя от газового шарфика, перчаток и прочего. – Впрочем, глупо в моём возрасте гадать – врѐт человек или нагло льстит? Плевать! Я согласна, да, со мной интересно, иначе и быть не может. Представьте, что на левой лодыжке вена ушла. Отношу это на ваш счёт. Я тут грудь свою смотрела в зеркале... Сейчас продемонстрирую. Не грудь, а мемуары.

– Грудь у вас в норме. Суставы в локте – да, плоховаты, тут я согласен, но уж ваша грудь – великолепно! Снимайте старомодный ваш бюстгальтер, покажу вам популярно, какая вы красавица!

– Ничего себе!.. Почти триста евро, а ему не модно!

Сергей ловко ухватил даму под коленями и меж лопаток, и спустя секунду она лежала на кушетке.

– Завтракали? Или как всегда? – меняя тон, спросил Сергей.

– Нет-нет, сегодня съела, представьте, толстый кусок обычной булки, как обжора из деревни. Это так отвратительно вкусно, не поверите...

Неожиданным взрывом взломалась входная дверь!!

Влетели парни в чулках...

Сергей не успел толком даже увернуться от удара по го-

лове, и через шесть секунд «война» закончилась.

– Сволочи! – закричала полуголая дама.

Её рывками втолкнули в ванную, освободили балконную дверь, подняли Сергея с двух сторон, и, словно палку, выбросили со второго этажа на улицу. Выждав время и услышав хлопок об асфальт, парни стали крушить в помещении всё, что видели – окна, плафоны, полки, табуреты, топчан, репродукции и пр. И всё это – в течение восьми секунд.

КЛИНИКА. Медицинский КАЗЕМАТ В ДЕРЕВНЕ.

Феликс и Сомов кругами похаживали по овальному каземату. Каждый в своём ритме. Марьяна сидела в углу на высоком табурете, слушала. Напротив «цинковой» двери висела вполне качественная (на этот раз – огромная) репродукция всё той же Венеры Веласкеса. Феликс наконец её приметил, пригляделся.

– Ничего такая, вполне себе, но мальчика с крыльями – я бы убрал. Вы согласны?

– Да, возможно... – Сомов дрожал. – Так вы согласны, что оперировать буду не я?

– У меня выбора нет, – и Феликс глянул на Марьяну, затем повернулся к ней спиной. – Но спрашивать буду с вас.

– Да, разумеется.

Феликс подошёл к зеркалу:

– Куда вы летите и когда вернётесь?.. Чтоб не бриться раньше времени.

– В четверг вернёмся, утром. А летим в Париж, я гово-

рил вам.

– В Париж?.. Серьёзно? Я как-то и не сообразил... Послушайте! Тогда уж – не в службу, а в дружбу – помогите родственнице старого друга (царствие ему небесное) с французским языком, раз уж так совпало... Всего лишь довести её по улицам к нужному адресу, она как раз послезавтра туда прилетит, но – такая туха, впервые за границей...

– Поможем, нет проблем, но... – Сомов даже кашлянул для привлечения внимания. – Первую пластику вам мы делать будем сегодня, вы забыли?

– Как сегодня!? – дрогнул Феликс. – Разве сегодня?

– Скажите, – вдруг вмешалась Сомова. – На кого бы вы хотели стать похожим? Исторические личности, знаменитости... Или вам всё равно?

– Это, надеюсь, была шутка? – напрягся Феликс, смутившись собственной минутной слабости.

– Нет, это стандартный дежурный вопрос при таких операциях. Чтоб потом не возникло недоразумений.

– На порядочного человека чтоб был похож! – и Феликс нервно расхохотался.

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА У СЕМЁНА (новый день)

Сергей лежал в тугих бинтах, подвесах, часть одного глаза, тем не менее, высвечивалась наружу. Сеня прочертил ладошкой воздух – туда-сюда.

– Видишь что-нибудь?

Сергей не реагировал.

– Слышишь меня?.. Это Семён, Сеня, друг твой!
Никакой реакции.

– Капельницу, Люда, приготовь, – и Сеня, сдвинув локтем медсестру, ушёл в коридор, неаккуратно брякнув за собой дверь.

Сергей тут же открыл рот и заговорил в потолок:

– Я вчера развёлся, девушка, официально. Имею два высших образования, владею языками, включая латынь. Играю на рояле, пусть и корявенько, зато умею жарить мясо в винном соусе, а до вчерашнего дня включительно – изо всех сил воспитывал сына **в римском стиле**. Но сейчас, увидев вас, всё это как-то отступило в никуда, теперь перед глазами – только ваш паспорт, кольца обручальные, короче говоря – нормальное супружество. Я не умею жить один.

Девушка настолько смутилась, что даже хотела присесть, но удержалась.

– Вы бредите... Разве вы не узнали врача? Зачем вы сделали вид, что...

– Потому что он начал бы спрашивать о том, о чём я пока не хочу говорить... Я, кстати, плохо вижу, пятна всякие... У меня сотрясение?

– Не только... пить хотите?

– А что у вас пьют?

– Брусничный морс, мочегонный, – и тронула ему обратной стороной ладони лоб.

– Лучше уйдите, девочка, температуры нет, но у вас, когда

вы ко мне наклоняетесь, слишком много оголяется лишнего, это повышает кровяное давление, не знали?

– Я схожу за капельницей и вернусь.

Дверь перед ней, однако же, самостоятельно открылась, появился Семён:

– Люда, ё-маё, ну чего тормозим?!.. Несите капельницу, быстро.

Девушка исчезла, Сеня присел на краешек задранной диагональю койки.

– Ты подслушивал стоял, да? – прошипел Сергей.

– Профессия требует.

– И что, всё худо? – с едва заметным испугом дрогнул Сергей.

– Нет, «чудесно», – Сеня усмехнулся. – Это с какой стороны смотреть. По существу – два треснувших диска, пояснично-крестцовый рискнули ночью склеить по живому, а шейный четвёртый – синтетика теперь стоит.

– Лихо!.. А глаза?

– Ничего катастрофического. Есть улётные очки, экспериментальная разработка, моя лично, будешь первым кроликом.

– Как ты меня нашёл?

– Не я. Антоха твой вовремя подоспел. Сразу позвонил мне. Спросишь у него. Ещё дама с ним была, экстравагантная такая.

Явилась стойка с капельницей, за нею медсестра.

ПЛАСТИЧЕСКАЯ ПАЛАТА ФЕЛИКСА.

Феликс вошёл в свою элитную длинную палату, где ширина равнялась трём неполным метрам, зато длина убегала почти в бесконечность, ломаясь под прямым углом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.